

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ТРУДЫ ИНСТИТУТА
ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ
И ТЕХНИКИ

Том 16

*История
биологических наук*

Вып. 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1957 Ленинград

АННОТАЦИЯ

Очередной XVI том Трудов Института истории естествознания и техники посвящен вопросам истории отечественной биологии. В нем содержатся статьи по истории дарвинизма в России, по истории развития паразитологии, герпетологии, экологии наземных позвоночных, изучения ядовитых животных и другие.

Большой интерес представляет публикуемый в сборнике дневник путешествия выдающегося русского ботаника А. А. Еленкина «В Восточных Саянах вместе с В. Л. Комаровым».

Книга предназначена для научных работников в области биологии, для студентов биологических факультетов университетов, педагогических и сельскохозяйственных вузов, а также для педагогов средней и высшей школы.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. А. Фигуровский (главный редактор),
В. А. Голубцова, А. Т. Григорьян, В. П. Зубов,
Б. С. Сотин, С. В. Шухардин, А. П. Юшкевич

Редакторы тома:

П. П. ПЕРФИЛЬЕВ и Б. Е. РАЙКОВ

Б. Е. РАЙКОВ

ИЗ ИСТОРИИ ДАРВИНИЗМА В РОССИИ

Изучая судьбу дарвинизма в России, автор обратил особое внимание на историю борьбы за дарвинизм, которая разгорелась вскоре же после появления учения Дарвина в России.

Это учение, революционизирующее философскую и биологическую мысль, не могло, разумеется, не встретить решительного противодействия со стороны отсталых и реакционно настроенных элементов в науке и в обществе. Такое противодействие в разное время принимало разные формы. Его обозначают обычно словом «антидарвинизм».

Совершенно понятно, что нельзя получить достаточно ясного представления об успехах дарвинизма в России, не учитывая действий этой враждебной стороны. Просто игнорировать такие выступления против учения Дарвина, ограничившись несколькими порицательными или презрительными фразами по адресу научного мракобесия, было бы неправильно так как для понимания действительного хода какой-либо борьбы необходимо учитывать силы, приемы, движущие мотивы и т. д. каждой из борющихся сторон.

Между тем у нас очень часто именно этим и ограничиваются, игнорируя даже такие важные с исторической точки зрения явления, как например появление книги Н. Я. Данилевского с «опровержением» дарвинизма. А между тем, не уяснив как следует, содержания этой книги, невозможно вполне усвоить аргументацию К. А. Тимирязева, направленную против Н. Я. Данилевского, и многое другое. Точно так же остается непонятной позиция в этом споре академика А. С. Фаминцына и пр.

Исходя из этих соображений, автор счел полезным критически изучить литературу антидарвинистов 60—80-х годов и дать связный очерк относящихся сюда мнений и выступлений, разбив этот очерк на три периода, весьма отличающихся один от другого: 1) антидарвинисты 60-х годов, 2) антидарвинисты 70-х годов и 3) антидарвинисты 80-х годов.

АНТИДАРВИНИЗМ 60-х ГОДОВ

Первые нападки на учение Дарвина относятся к середине 60-х годов, и все они вышли из церковных кругов. Раньше других вооружилось против опасной теории периодическое издание Московской духовной академии «Творения святых отцов». В 1864 г. (№ 3) там был напечатан обширный разбор учения Дарвина, который был не чем иным, как переводом статьи из английского журнала «Atheneum», с самого начала относившегося к дарвинизму отрицательно.

В следующем, 1865 г., в фалангу противников Дарвина вступили два других духовных журнала: «Христианское чтение» — орган Петербургской духовной академии¹ и «Духовный вестник».² «Мы надеемся и верим, — писалось в последнем журнале, — что мыслящие представители естественной науки откажутся от таких натурфилософских нелепых сказок и теория Дарвина, как и другие подобные натурфилософские открытия... скоро будет оставлена подобно своим предшественницам».

Из светских журналов 60-х годов только один «Натуралист» занял двусмысленную позицию по отношению к дарвинизму. Его редактор Дмитрий Сергеевич Михайлов — ботаник-систематик, ученик И. О. Шиховского, преподаватель Ларинской гимназии в Петербурге, автор учебников для средней школы — придерживался консервативных взглядов по отношению к новым идеям в области естественных наук. Когда появилось учение Дарвина, Михайлов не решился выступить против него открыто, но избрал тактику косвенной дискредитации этого учения. Так, например, он уговорил академика Бэра дать ему для перевода на русский язык статью «Mensch und Affe», где Бэр возражал Гексли, доказывая, что по своему анатомическому строению человек не мог произойти от высших обезьян. В течение трех лет (1865—1867) Михайлов печатал в своем журнале части этой статьи, которой дал произвольное название «Место человека в природе». В 1866 г. он поместил в журнале большую статью очень известного в то время ботаника-садовода Эдуарда Регеля, который был директором Ботанического сада в Петербурге. Регель считал теорию Дарвина недоказанной: «Я принимаю лишь такие доказательства, — писал Регель в «Натуралисте», — где данные допускают только одно заключение, подобное тому, что дважды два — четыре. . . Доказательства, приводимые Дарвином, могут показаться убедительными только тому, кто не имел случая делать подобных

¹ Христианское чтение, 1865, № 2, переводная статья И. Троицкого.

² Духовный вестник, 1865, сентябрь, статья И. Красовского.

наблюдений как в свободной природе, так и над культурными растениями». ³ Позиция, занятая «Натуралистом», не завоевала ему, впрочем, уважения среди читателей, и журнал скоро прекратил свое существование (в 1868 г.).

Эти первые выступления антидарвинистов в 60-х годах были сравнительно очень слабыми и разрозненными и не обратили на себя никакого внимания, так как слишком явно противоречили общему настроению той эпохи.

К началу 70-х годов это положение, однако, резко изменилось. Общественное оживление 60-х годов сменилось периодом реакции, которая особенно резко усилилась после покушения Каракозова на Александра II (4 апреля 1866 г.). Правительство прибегло к массовым репрессиям, был усилен надзор за печатью, за университетами и т. д. Либеральный министр народного просвещения А. В. Головнин был заменен графом Дм. А. Толстым — крепостником и мракобесом. Прогрессивные журналы — «Современник» и «Русское слово» — были закрыты навсегда. Толстой произвел реформу средней школы, изгнав отсюда естествознание и превратив школу в классическую (1871). Был усилен надзор за студентами, что вызвало ряд студенческих волнений, особенно в 1869, 1874 и 1878 гг.

Правительство поставило своей задачей борьбу с «нигилизмом», т. е. с материалистическим направлением, которое проводили публицисты-демократы. Естествознание было признано предметом весьма сомнительным, даже опасным, так как оно может насаждать взгляды, ведущие к материализму и неверию. Особенно вредным был признан дарвинизм, как главный источник материализма.

Из такой установки вытекало, что надо принять меры к прекращению пропаганды дарвинизма, а для успеха этого дела — привлечь к участию в нем все правые элементы общества.

Так возник в начале 70-х годов более организованный поход реакции на дарвинизм, который не замедлил сказаться на журнальной литературе.

АНТИДАРВИНИЗМ 70-х ГОДОВ

Застрельщиком в нападках на дарвинизм в начале 70-х годов выступил журнал «Русский вестник» — орган известного в свое время публициста М. П. Каткова. В 50-х и в начале 60-х годов этот журнал считался «передовым», в нем участвовал Салтыков-Щедрин, там печатал Тургенев свои ро-

³ Натуралист, 1866, № 6, стр. 85, 87.

маны («Отцы и дети», «Накануне» и др.); из натуралистов в «Русском Вестнике» принимали участие А. Н. Бекетов и С. А. Рачинский, причем последний даже рекомендовал читателям «Происхождение видов» Дарвина как «великолепную книгу» (1863, № 1).

Однако к середине 60-х годов журнал Каткова уже сильно поправел, а в начале 70-х годов журнал стал ярко реакционным. Изменилось, конечно, и отношение журнала к дарвинизму. Он стал принимать теперь энергичные меры против этого «заблуждения молодого поколения».

В 1871 г. Катков поместил в журнале две статьи, направленные против учения Дарвина. Не найдя, очевидно, среди московских биологов никого, кто взялся бы за эту тему, Катков обратился к английской литературе, где сочинения Дарвина долго встречали резкую оппозицию. Он поместил в № 5 своего журнала статьи из «Atheneum» и из «Times» под заглавием «Английские критики о новой книге Дарвина». Критики эти обвиняли Дарвина (по поводу его мнения о родстве человека с обезьяной) в развращении читателей: «Тяжкую ответственность, — писал критик из «Times», — навлекает на себя человек, который с авторитетом заслуженной репутации высказывает в наше время разлагающие соображения этой книги».

В № 11 «Русского вестника» за тот же 1871 г. напечатана статья под заглавием «По поводу новой теории Дарвина», заимствованная из английского журнала «Quarterly Review». Анонимный автор утверждает, что Дарвин «противоречив в выводах, поспешен и недостоверен». Его книга неудачна, но она может иметь вредное влияние на «полуобразованные классы». «Ошибки г. Дарвина, — пишет критик, — главным образом зависят от радикально-ложной, метафизической системы, в которой он запутался». Обвинять Дарвина в метафизике было, конечно, более чем смело.

Экспурсы в полемическую английскую литературу, да к тому же анонимную, были недостаточно убедительны для читателей. Поэтому поиски авторитетного русского автора, который окончательно разделался бы с учением Дарвина, продолжались. Среди натуралистов такого пока не находилось, и за эту задачу взялся профессор Московской духовной академии А. П. Лебедев, известный в то время богослов и церковный историк, который специализировался в обличении материализма. Он написал обширную статью, объемом около 9 печатных листов, где «разбивает» Дарвина аргументами, заимствованными у Бэра, Катрфажа и других натуралистов.⁴ Разби-

⁴ Статья помещена в «Русском вестнике» за 1873 г. (№№ 7 и 8).

рает он обе книги Дарвина — «Происхождение видов» и «Происхождение человека». Тон разбора серьезный, академический, как и подобало почтенному профессору. Автор подчеркивает, что он критикует Дарвина не с религиозной точки зрения, а «на основании простой логики» (правда, сильно отдающей семинарией). Вывод Лебедева такой: теория Дарвина есть собрание непроверенных гипотез, поэтому надо признать ее «фантастическим произведением».

Вскоре нашелся, однако, видный натуралист, которому «Русский вестник» весьма охотно предоставил свои страницы для критики дарвинизма. Это был нашумевший в 70-х годах своими ретроградными выступлениями профессор физиологии Медико-хирургической академии И. Ф. Цион, очень своеобразный человек, сочетавший таланты крупного ученого с крайне реакционными общественно-политическими взглядами. Когда И. М. Сеченов был освобожден в 1870 г. от работы в Медико-хирургической академии, на его место был назначен Цион, в котором правящие круги видели человека, способного действовать на студентов в желательном для правительства духе. «Водворившись при помощи военного министра на кафедру физиологии Медико-хирургической академии, — сообщает проф. Х. С. Коштоянц,⁵ — Цион начал выполнять поручения, возложенные на него царским правительством. Уже в первой же вступительной лекции он стал нападать на передовые научные идеи и общественные идеалы, которые культивировались в Медико-хирургической академии. В своих лекциях он открыто выступал против дарвинизма и всеми силами пытался дискредитировать своего предшественника — И. М. Сеченова, в самых резких выражениях критиковал те естественно-научные книги, на которых воспитывались передовые люди 60-х годов. Цион взял на себя труд уничтожения нигилизма, взялся вытравить из сознания юношества материалистическое мировоззрение».

Действия Циона встретили протесты со стороны студенчества и вызвали студенческие беспорядки, которые продолжались до тех пор, пока Цион не оставил в 1874 г. кафедру физиологии в академии. А между тем это был блестящий ученый, который еще в 70-х годах, до работ Н. Е. Введенского, высказал мысль об органической связи актов возбуждения и торможения⁶ и был учителем И. П. Павлова. Двухтомная

⁵ Х. С. Коштоянц. Очерки по истории физиологии в России. М., 1946, стр. 238.

⁶ Там же, стр. 368.

книга Циона по методикам физиологического экспериментирования и вивисекции, вышедшая в Лейпциге в 1876 г., по свидетельству историка физиологии Х. С. Коштоянца, — лучшее, что было написано по вопросам физиологических методик в XIX в.⁷

Вернемся к статье Циона в «Русском вестнике».⁸ Говоря объективно, это блестящее произведение, написанное чрезвычайно живо, интересно, остроумно и с большим знанием дела. Оно не идет ни в какое сравнение с нудными, серыми писаниями церковников, выступавших против дарвинизма. Как умный человек, Цион решил сделать мишенью своих резких выпадов не самого Дарвина, человека весьма почтенного и уважаемого, а рьяного приверженца дарвинизма — немецкого профессора Геккеля, с которым можно было не церемониться. Это было тем более удобно, что Геккель, выступив в качестве пропагандиста дарвинизма и продолжателя Дарвина, увлекся и допустил в своих сочинениях много очень смелых гипотетических положений, которых невозможно было доказать. Циону было поэтому очень нетрудно выискать слабые места у Геккеля и высмеять их самым беспощадным образом. Но так как выводы Геккеля являлись развитием положений самого Дарвина и их не всегда было легко отделить, то тем самым бросалась тень и на учение Дарвина, тем более что последний положительно отзывался о трудах Геккеля.

Этот иезуитский прием, несомненно, удался Циону, и его статья должна была произвести большое впечатление не в пользу дарвинизма. К самому Дарвину Цион отнесся с видимым уважением, называя его «величайшим естествоиспытателем» и т. п. «Но все эти громадные заслуги Дарвина, — пишет Цион, — не мешали серьезным ученым видеть и слабые стороны его учения. Отсутствие всяких доказательств действительной трансформации органов под влиянием естественного подбора и приноровления ко внешней обстановке с самого начала не позволяло дать дарвинизму другого значения, как значение гипотезы. Эволюционная теория не только не способна ни в одном специальном случае действительно доказать переход одного вида в другой, но даже в гипотетической цепи подобных переходов, которую она предполагает, принуждена оставить бесчисленное множество самых чувствительных пробелов, которых это учение никогда не в состоянии будет наполнить. Никакому

⁷ Там же, стр. 244.

⁸ Русский вестник, 1878, январь, стр. 5—71; название статьи: «Происхождение человека по Геккелю».

серьезному ученому поэтому и в голову не приходило принимать эволюционную теорию Дарвина за действительное выражение закона развития органического мира».

В дальнейшем Цион делает «гипотезу» Дарвина еще менее вероятной, решительно отвергая многие из тех основ, на которых она построена. Например, он доказывает, что нельзя на основании морфологического сходства говорить о родстве, невозможно сравнивать между собой зародыши животных и т. д. Биогенетический закон Цион отвергает начисто. Связь между беспозвоночными и позвоночными через посредство асцидий и ланцетника — для него предмет более или менее остроумных шуток. Например, он удивляется, каким образом люди, которые не прочь погордиться своими аристократическими предками, так охотно принимают в свою среду «безголового амфиокса». Геккель, по его словам, так хорошо представил филогенетический ряд человеческих предков, как будто бы они оставили ему свои фотографические карточки, а обезьяньего предка человека Геккель описывает так, как будто бы сидел с ним лет десять на школьной скамье.

Под конец Цион обрушивается на филогенетические схемы Геккеля, в которых действительно было много фантастического, и доказывает, что рисунки, поясняющие эти схемы, Геккель частью подделал, а частью просто выдумал.

Так, перемешивая истину с ложью, опровергал Цион Геккеля, а заодно с ним и дарвинизм.

Чтобы дать представление о его стиле, приведем одно место, где задевается, между прочим, и Сеченов: «Ярмарочный шарлатан, — пишет Цион, — предлагающий эликсиры, способные исцелять все болезни, бывалые и небывалые, всегда привлекает толпу больше, чем добросовестный и благоразумный врач. Если популяризатор громко возвещает миру, что он нашел, что психический процесс есть не более как рефлекс, то легкомысленная публика восторгается: как-де просто объяснилась одна из величайших тайн природы. Не меньший успех должен выпасть на долю другого смельчака, уверяющего, что он открыл тайну создания органического мира, столь же для него ясную, как самый элементарный химический процесс, что он не только объяснил происхождение человека, но и построил его генеалогическое дерево.

«Публике остается только восторгаться подобными успехами науки и преклоняться пред гением, сделавшим их возможными. Но соответствует ли подобная популяризация науки своему действительному назначению? Действительно ли обогащается запас познаний общества, если ему сообщают мно-

книга Циона по методикам физиологического экспериментирования и вивисекции, вышедшая в Лейпциге в 1876 г., по свидетельству историка физиологии Х. С. Коштоянца, — лучшее, что было написано по вопросам физиологических методик в XIX в.⁷

Вернемся к статье Циона в «Русском вестнике».⁸ Говоря объективно, это блестящее произведение, написанное чрезвычайно живо, интересно, остроумно и с большим знанием дела. Оно не идет ни в какое сравнение с нудными, серыми писаниями церковников, выступавших против дарвинизма. Как умный человек, Цион решил сделать мишенью своих резких выпадов не самого Дарвина, человека весьма почтенного и уважаемого, а рьяного приверженца дарвинизма — немецкого профессора Геккеля, с которым можно было не церемониться. Это было тем более удобно, что Геккель, выступив в качестве пропагандиста дарвинизма и продолжателя Дарвина, увлекся и допустил в своих сочинениях много очень смелых гипотетических положений, которых невозможно было доказать. Циону было поэтому очень нетрудно выискать слабые места у Геккеля и высмеять их самым беспощадным образом. Но так как выводы Геккеля являлись развитием положений самого Дарвина и их не всегда было легко отделить, то тем самым бросалась тень и на учение Дарвина, тем более что последний положительно отозвался о трудах Геккеля.

Этот иезуитский прием, несомненно, удался Циону, и его статья должна была произвести большое впечатление не в пользу дарвинизма. К самому Дарвину Цион отнесся с видимым уважением, называя его «величайшим естествоиспытателем» и т. п. «Но все эти громадные заслуги Дарвина, — пишет Цион, — не мешали серьезным ученым видеть и слабые стороны его учения. Отсутствие всяких доказательств действительной трансформации органов под влиянием естественного подбора и приноровления ко внешней обстановке с самого начала не позволяло дать дарвинизму другого значения, как значение гипотезы. Эволюционная теория не только не способна ни в одном специальном случае действительно доказать переход одного вида в другой, но даже в гипотетической цепи подобных переходов, которую она предполагает, принуждена оставить бесчисленное множество самых чувствительных пробелов, которых это учение никогда не в состоянии будет наполнить. Никакому

⁷ Там же, стр. 244.

⁸ Русский вестник, 1878, январь, стр. 5—71; название статьи: «Происхождение человека по Геккелю».

серьезному ученому поэтому и в голову не приходило принимать эволюционную теорию Дарвина за действительное выражение закона развития органического мира».

В дальнейшем Цион делает «гипотезу» Дарвина еще менее вероятной, решительно отвергая многие из тех основ, на которых она построена. Например, он доказывает, что нельзя на основании морфологического сходства говорить о родстве, невозможно сравнивать между собой зародыши животных и т. д. Биогенетический закон Цион отвергает начисто. Связь между беспозвоночными и позвоночными через посредство асцидий и ланцетника — для него предмет более или менее остроумных шуток. Например, он удивляется, каким образом люди, которые не прочь погордиться своими аристократическими предками, так охотно принимают в свою среду «безголового амфиокса». Геккель, по его словам, так хорошо представил филогенетический ряд человеческих предков, как будто бы они оставили ему свои фотографические карточки, а обезьяньего предка человека Геккель описывает так, как будто бы сидел с ним лет десять на школьной скамье.

Под конец Цион обрушивается на филогенетические схемы Геккеля, в которых действительно было много фантастического, и доказывает, что рисунки, поясняющие эти схемы, Геккель частью подделал, а частью просто выдумал.

Так, перемешивая истину с ложью, опровергал Цион Геккеля, а заодно с ним и дарвинизм.

Чтобы дать представление о его стиле, приведем одно место, где задевается, между прочим, и Сеченов: «Ярмарочный шарлатан, — пишет Цион, — предлагающий эликсиры, способные исцелять все болезни, бывалые и небывалые, всегда привлекает толпу больше, чем добросовестный и благоразумный врач. Если популяризатор громко возвещает миру, что он нашел, что психический процесс есть не более как рефлекс, то легкомысленная публика восторгается: как-де просто объяснилась одна из величайших тайн природы. Не меньший успех должен выпасть на долю другого смельчака, уверяющего, что он открыл тайну создания органического мира, столь же для него ясную, как самый элементарный химический процесс, что он не только объяснил происхождение человека, но и построил его генеалогическое дерево.

«Публике остается только восторгаться подобными успехами науки и преклоняться пред гением, сделавшим их возможными. Но соответствует ли подобная популяризация науки своему действительному назначению? Действительно ли обогащается запас познаний общества, если ему сообщают мно-

жество исковерканных или просто вымышленных фактов, если вместо истинных объяснений его забрасывают кучей непонятных слов, зачастую только скрывающую скудость мысли и бедность фактов?»

Вероятно не случайно, что спустя год после появления статьи Циона цензура распорядилась уничтожить русский перевод сочинения Геккеля «*Natürliche Schöpfungsgeschichte*» («Естественная история творения»), на которое особенно напал Цион.⁹ Несколькими годами ранее такая же участь постигла другой русский перевод той же книги, сделанный известным педагогом-дарвинистом А. Я. Гердом.¹⁰

Статья Циона в «Русском вестнике» дает довольно ясное представление о характере и тоне его лекций в Медико-хирургической академии, которым студенты объявили бойкот.

Гораздо умереннее был в своих выступлениях против дарвинизма другой профессор той же академии — анатом Р. П. Ландцерт. Он избрал учение Дарвина темой своей актовой речи 9 января 1872 г.¹¹ Едва ли можно сомневаться в том, что такая тема была ему предписана в связи с тем, что за год до этого появилась в русском переводе книга Дарвина «Происхождение человека и половой подбор», которая была быстро раскуплена. Это сочинение произвело впечатление даже большее, чем «Происхождение видов», и особенно инкриминировалось Дарвину реакционерами.

Ландцерт принимает теорию эволюции и считает ее заслугой Дарвина (стр. 333). Однако к человеческому роду эта теория неприменима. Ландцерт доказывает, что «человеческий род — как бы отдельный остров, с которого нет моста к соседней земле млекопитающих. . . Какие-либо обобщения здесь по меньшей мере преждевременны» (стр. 333, 311). «К сожалению, — так закончил оратор свою речь, — некоторые естествоиспытатели, увлекшись односторонними взглядами, стараются увеличить значение своих воззрений популяризацией их, а читатель-дилетант слишком легко поддается заманчивому выводу, основания которого для него недоступны».

⁹ Э. Геккель. История племенного развития организмов. Перевел с немецкого О. Ф. Лауниц, под редакцией проф. Э. К. Брандта. СПб., 1879. Немецкое название книги в переводе изменено по цензурным соображениям. Но это не спасло книгу от уничтожения, уцелело лишь несколько экземпляров.

¹⁰ Э. Геккель. Естественная история миротворения. Перевод со второго немецкого издания А. Я. Герда. СПб., 1873.

¹¹ Эта речь напечатана в «Военно-медицинском журнале» (1872, ч. СХV, сентябрь) под заглавием «Об учении Дарвина в связи с современным вопросом о происхождении человека».

Это очевидный намек на И. М. Сеченова, который был редактором книги Дарвина, посвященной происхождению человека, а за несколько лет до того выпустил свои «Рефлексы головного мозга».

Надо заметить, что когда реакционеры от науки убедились, что сохранить учение о постоянстве вида в духе Кювье уже невозможно и что эволюцию органического мира опровергнуть не удастся, они сдали эту позицию, но тем энергичнее ухватились за идею о сверхъестественном происхождении человеческого рода, к которому законы природы якобы вовсе не применимы.

Поэтому они очень обрадовались, когда эту мысль выразил английский натуралист-путешественник Уоллес, известный тем, что одновременно с Дарвином выступил с теорией естественного отбора и был, таким образом, одним из основателей эволюционной теории.

Интерес к дарвинизму был так велик в русском обществе, что книга Уоллеса «Contributions to theory of natural selections» (1870) вышла на русском языке сразу в трех переводах — два в Петербурге и один в Москве.¹² Переводчики распорядились с книгой Уоллеса по своему усмотрению. К. Э. Линдеман и Г. Е. Благосветов выбросили из книги последнюю главу, где Уоллес, впадая в крайний идеализм, отделяет человека от животных и приписывает ему сверхъестественное происхождение. Напротив, Н. П. Вагнер сохранил эту главу в своем переводе, потому что и сам придерживался подобного же мнения, будучи спиритом и веруя в мир «духов».

Вполне понятно, почему первые два переводчика так поступили. Последняя глава этой ценной книги так мало соответствует остальному ее содержанию, что вызвала бы у прогрессивного русского читателя крайнее недоумение.¹³

Противники дарвинизма тотчас же заметили эти купюры и подняли шум, обвиняя переводчиков в подлоге, искажении мыслей автора и т. д. Напротив, петербургский зоолог Н. П. Вагнер удостоился похвал со стороны реакционной печати за то, что сохранил сомнительную главу. Профессор Казанской духовной академии А. Ф. Гусев, который специализировался

---

¹² В Москве книгу Уоллеса перевел энтомолог К. Э. Линдеман (1876), в Петербурге вышли переводы зоолога Н. П. Вагнера (1878) и журналиста Г. Е. Благосветова, редактора либерального журнала «Дело» (он учился одно время в Медико-хирургической академии).

¹³ В 80-х годах Уоллес еще больше удивил ученый мир своей непоследовательностью, напечатав сочинение в защиту спиритизма.

на борьбе с материалистическими тенденциями естествознания, напечатал большую книгу «Натуралист Уоллес, его русские переводчики и критики» (М., 1879) и преподнес ее обер-прокурору Синода К. П. Победоносцеву.

В этой книге Гусев обличает «проделки» переводчиков-дарвинистов, особенно профессора Петровской земледельческой академии Лицдемана, который, кроме того, переправил по-своему и некоторые выражения Уоллеса. «Это угодничество и покровительство предубеждениям и предрассудкам нашей известной среды, — исстовствует Гусев, — составляет просто преступление!»

Затем Гусев сам излагает учение Уоллеса о происхождении человека и весьма одобряет его, потому что оно «не устраняет действия в мире творчески-промыслительной силы божией». При этом казанский богослов сетует на натуралистов, которые «боятся допустить бога в природе». Попутно попадает Тимирязеву и Мечникову за то, что последний не одобрил учения Уоллеса о человеке и назвал его попросту «скандальным». Тон памфлета Гусева — резкий, вызывающий, который напоминает бранные выходки Циона.

Изложенный выше обзор показывает, что в 70-х годах прошлого века уже успела сложиться более или менее активная оппозиция дарвинизму, исходившая отчасти от представителей духовенства, отчасти от отдельных, реакционно настроенных деятелей науки.

В общем эта оппозиция была слабой и не достигала результатов: она либо оканчивалась полной неудачей, как было с миссией Циона, либо на нее не обращали достаточного внимания, например на полемическую литературу богословов. Положение дарвинизма продолжало оставаться достаточно прочным, и он не нуждался в какой-либо особой защите. Мероприятия правительства против распространения дарвинизма не встречали сочувствия не только среди демократически настроенной интеллигенции, но даже в кругу привилегированного общества. По рукам ходило шуточное стихотворение великосветского поэта Алексея Толстого, где он остроумно высмеивал мероприятия цензурного комитета и его главы Михаила Лонгинова (которого поэт по-приятельски называет Мишей) против дарвинизма. Касаясь Дарвинова объяснения происхождения человека, поэт пишет:

Да и в прошлом нет причин
 Нам искать большого ранга,
 И, по мне, шматина глины
 Не знатней орангутанга.

Стихотворение заканчивается указанием на то, что развитие науки все равно остановить невозможно:

С Ломоносовым наука,
Положив у нас зачаток,
Проникает к нам без стука
Мимо всех твоих рогаток. . .
Брось же, Миша, утрашенья,
У науки нрав не робкий,
Не заткнешь ее теченья
Ты своей дрянною пробкой.¹⁴

АНТИДАРВИНИЗМ 80-х ГОДОВ

В 80-х годах борьба за дарвинизм вступила в новый фазис и приняла гораздо более широкий и решительный характер. Этому способствовал целый ряд обстоятельств общеполитических и научно-литературных.

В конце 70-х годов революционное движение значительно усилилось и изменило свою окраску. Прежняя тактика «мирной пропаганды» была признана революционерами бесполезной, и виднейшие деятели движения пришли к мысли о необходимости непосредственной революционной борьбы с самодержавием. Эта борьба приняла, как известно, очень резкие формы. Вповь возникшая боевая террористическая организация «Народная воля» развила в этой борьбе необычайную энергию и в короткое время совершила ряд смелых покушений на личность самого царя Александра II. 4 февраля 1880 г. произошел подготовленный революционерами взрыв в Зимнем дворце, который лишь случайно не достиг цели. Наконец, 1 марта 1881 г. царь был убит брошенной в него народовольцами бомбой.

Эти события сильно воздействовали на правительственную политику, которая приняла теперь форму самой черной реакции. Власть сосредоточилась в руках крайнего ретрограда — Дм. Толстого, который получил пост министра внутренних дел, а министром народного просвещения поставил своего сторонника — рабски преданного ему Делянова. С революционерами правительство расправилось путем казней и ссылок. Общественность страны была запугана, цензура приняла самые нелепые формы; ряд прогрессивных органов печати был закрыт, в том числе и журнал «Отечественные записки» (в 1884г.). Либеральные голоса в печати смолкли, но тем громче разда-

¹⁴ Стихотворение это написано в конце 1872 г. Впервые напечатано в журн. «Русское Обозрение», 1892, № 1, стр. 291—293.

вался голос трибуна реакции — Каткова, который радовался, что наконец-то пришло «настоящее правительство».

Новый университетский устав 1884 г. уничтожил последние остатки самостоятельности высшей школы. Средняя школа должна была руководствоваться знаменитым циркуляром Делянова о «кухаркиных детях». Народная школа перешла в значительной степени в руки духовенства. Реакция изменила положение земства, судебных учреждений и т. д. Тяжело почувствовали ее и так называемые «инородцы» и «иноверцы»: возобновилось преследование раскольников; и в особенности подверглись разным ограничениям евреи, что повело местами к полному разорению еврейского населения и лишило значительную часть еврейской молодежи возможности получить образование.

Наступила крайне тяжелая и мрачная полоса русской жизни, которая отразилась на всех ее сторонах. Разумеется, отразилась она и на судьбе естествознания, в частности на положении дарвинизма, который реакционеры постарались поставить теперь под удар.

Серьезным наступлением на дарвинизм было появление в печати в 1885 г. сочинения Н. Я. Данилевского «Дарвинизм». Уже одним своим видом этот труд, объемом около 1200 страниц, с таблицами в красках и многочисленными приложениями, должен был произвести немалое впечатление на читателей. Это был не легковесный памфлет, а серьезное научное сочинение, над которым автор его трудился много лет.¹⁵

Николай Яковлевич Д а н и л е в с к и й (1822—1885) учился на естественном факультете Петербургского университета, где выдержал экзамен на степень магистра ботаники и написал диссертацию о флоре Орловской губернии. В 1849 г. он был арестован по делу петрашевцев. На допросе он показал, что разделяет учение Фурье, так как считает его высоконравственным. После шестимесячного заключения в Петропавловской крепости Данилевский был выслан на жительство в Вологду, а затем переведен в Самару, где и жил до 1853 г. В этом году академик Бэр получил разрешение присоединить его к своей научно-исследовательской экспедиции на Волгу и Каспийское море. С тех пор Данилевский сделался постоянным участником всех трех каспийских экспедиций Бэра, помогал ему в его трудах и переводил на русский язык его ра-

¹⁵ Дарвинизм. Критическое исследование Н. Я. Данилевского. Том I, часть 1, 519 стр.; часть 2, 530+148 стр., СПб., 1885. (В дальнейшем: Дарвинизм). Сочинение осталось несовершенным: позднее вышла часть II тома (одна глава и предметный указатель), 196 стр., СПб., 1889.

боты. В дальнейшем Данилевский самостоятельно руководил многими ихтиологическими экспедициями (на Белое море и Ледовитый океан, на Каспийское море, на Черное и Азовское моря и др.). Под конец жизни он занимался борьбой с филлоксерой и умер в Тбилиси, куда был командирован на филлоксерный съезд.

Будучи в молодости социалистом-утопистом, Данилевский впоследствии сильно поправел, как и другой петрашевцев — Ф. М. Достоевский. Данилевский сделался крайним славянофилом и считал славянство самобытным культурно-историческим типом, отличным от Европы, которому суждено великое будущее. Европа была для Данилевского отвратительным символом надвигающегося капитализма и злейшим врагом России. Эти свои взгляды Данилевский развил в крайне реакционной книге «Россия и Европа», которую прогрессивная печать встретила очень враждебно.

Свое большое сочинение о дарвинизме Данилевский написал, по его собственным словам, потому что никак не мог примириться с мыслью о том, что мир представляет всего лишь результат случайной комбинации явлений. Теория Дарвина, по убеждению Данилевского, ведет именно к такому пониманию природы. Он рассказывает в своей книге,¹⁶ что лет 20 тому назад, когда он впервые познакомился с учением Дарвина, его мысль была прикована такой дилеммой: «С одной стороны невозможно, чтобы масса случайностей, не соображенных между собою, могла произвести порядок, гармонию и удивительнейшую целесообразность; с другой — талантливый ученый, вооруженный всеми данными науки и обширного личного опыта, ясным и очевидным образом показывает вам, как просто, однако же, это могло сделаться. Только после долгого изучения и еще более долгого размышления увидел я первый выход из этой дилеммы, и это было для меня большою радостью. Затем открылось таких выходов множество, так что все знание теории изрешетилось, а наконец и развалилось в моих глазах в бессвязную кучу мусора».

Из этого признания Данилевского совершенно очевидно, что его труд не был результатом беспристрастного изучения и обдумывания предмета, но написан с предвзятой целью — во что бы то ни стало опровергнуть несимпатичное автору учение.

Данилевский откровенно разъяснил это сам: дарвинизм — это могучий источник материализма, а Данилевский был

¹⁶ Дарвинизм, т. I, ч. 1, стр. 23.

совпавших, согласовавшихся случайностей. Случайность, следовательно, обращает хаос в космос, и этой случайности оказывается, по Дарвину, вполне достаточно для произведения этого результата». ¹⁹

В противоположность мнению Дарвина о случайном характере мелких изменений, подхватываемых отбором, Данилевский считал, что такие изменения не случайны, но определенно-направленны, а потому и целесообразны. Признание же целесообразности, т. е. телеологического принципа, ведет, по выражению Данилевского, к признанию «идеального, или, точнее, интеллектуального, начала» в природе.

Напротив, теория отбора изгоняет это начало из природы. Отсюда то негодование и отвращение (нельзя выразиться иначе), которое вызывала у Данилевского теория естественного отбора как фактора прогресса в органическом мире. «Каким жалким, мизерным представляется мир и мы сами, — пишет он, — в коих вся стройность, вся гармония, весь порядок, вся разумность являются лишь частным случаем бессмысленного и нелепого, всякая красота — случайною частностью безобразия, всякое добро — прямою непоследовательностью во всеобщей борьбе и космос — только случайным частным исключением из бродящего хаоса. Подбор — это печать бессмысленности и абсурда, напечатленная на челе мироздания, ибо это — замена разума случайностью. Никакая форма грубейшего материализма не спускалась до такого низменного мирозерцания». ²⁰

Основная часть книги Данилевского и состоит в критике учения об естественном отборе. Данилевский использовал для этого, помимо своих личных соображений, довольно обширную иностранную литературу по антидарвинизму, какая успела к этому времени появиться в Европе: трехтомное сочинение о дарвинизме немецкого ботаника Виганда, некоторые статьи Брандта, Бэра, Мильн-Эдвардса, Катрфажа и др. Все эти мнения Данилевский расположил в логическом порядке, некоторые значительно развил и частью дополнил разными примерами.

В первом томе вначале изложена теория Дарвина и дана критика его учения об искусственном отборе, изменчивости и наследственности. Второй том посвящен критике учения об естественном отборе.

Несмотря на то что автор предназначал свою книгу не только для натуралистов, но и для всех образованных читате-

¹⁹ Там же, т. I, ч. 2, стр. 523.

²⁰ Там же, т. I, ч. 2, стр. 529.

лей, она написана крайне тяжело, растянуто, многословно и одолевается с трудом. Автор часто занимается мелочами, бесконечно повторяется и т. д. Следить за его аргументацией и вкратце формулировать его основные положения иногда не легко. Сущность его критики сводится к следующему:

1) Дарвин неправ, проводя аналогию между изменчивостью у домашних и диких животных. У домашних изменчивость часто гораздо значительнее, чем у диких.

2) Разновидности нельзя рассматривать как начинающиеся виды. Разница между теми и другими не количественная, а качественная.

3) Изменчивость у домашних животных никогда не переходит за пределы вида.

4) Дарвин сильно преувеличил значение искусственного отбора в деле вывода пород домашних животных и растений. Здесь имеет значение также скрещивание, внезапное появление новых признаков без накопляющего действия отбора и т. д.

5) Борьба за существование хотя и имеет место, но не играет в природе той роли, какую ей приписывает Дарвин, потому что редко достигает нужной для этого напряженности и не бывает непрерывной. Поэтому она не в состоянии производить новые формы.

6) Естественный отбор в дарвиновском смысле в действительности вовсе невозможен, потому что полезные индивидуальные признаки непременно должны поглощаться скрещиванием очень скоро после их возникновения.

7) Дарвинова теория основана на укреплении полезных признаков, сохраняемых отбором. Но она не объясняет появления признаков бесполезных или даже вредных для животного.

8) В природе отсутствуют палеонтологические документы, которые доказывали бы правильность трансформизма.

Из этого перечня видно, что большинство возражений Данилевского направлены против естественного отбора и его предпосылок, но есть возражения и против эволюционной теории вообще, как например совершенно ошибочные аргументы из области палеонтологии.

Из всего этого материала, растянутого на тысячу страниц, после длинного ряда повторений, дополнений, разъяснений и т. д. Данилевский делает окончательный вывод, что теория Дарвина совершенно неудовлетворительна и является ложной в своей основе.

Успех же этой теории Данилевский объясняет тем, что она, во-первых, подтвердила учение об эволюции, которое разделяли до Дарвина многие естествоиспытатели, хотя и не имели

для этого достаточно доказательств; во-вторых, тем, что теория Дарвина оказалась на руку материалистам, и, наконец, в-третьих, тем, что эта теория по своей простоте и ясности общепонятна для профанов, что отнюдь не гарантирует ее истинности.

Обращает на себя внимание попытка Данилевского заподозрить честность Дарвина как ученого. В своем отвлечении к естественному отбору Данилевский до того увлекся, что объявил в одном месте,²¹ будто бы естественный отбор — просто «ф о р т е л ь», придуманный Дарвином для того, чтобы «о т д е л а т ь с я о т в е р о в а н и я, ч т о в и д ы п а м е р с н н о с о з д а н ы». «Обращение с фактами было не честное, — продолжает Данилевский, — то есть не беспристрастно-научное, собственно говоря, они были перетолкованы и подобраны для посторонней цели».

Эта грубая выходка совершенно не вяжется с тем, что сам же Данилевский говорит о Дарвине в начале своего сочинения: «Кто прочел и изучил сочинения Дарвина, тот может усумниться в чем угодно, только не в его глубокой искренности и в возвышенном благородстве его души».²²

Объясняя, что такое научная честность, Данилевский поясняет, что научную теорию «не должно направлять никакое постороннее соображение». При этом он как бы забывает, что, по его же собственному признанию, вся его книга написана ради таких посторонних соображений — а именно с целью борьбы с материализмом и укрепления веры в «высший разум», в «интеллектуальное начало», которое якобы руководит жизнью природы, и т. д.

Характерной особенностью сочинения Данилевского является его отрицательно-критический характер. Отвергается теория Дарвина, но никакой положительной теории автор, в сущности, не выдвигает. Из его критических замечаний не всегда возможно установить, принимает ли он вообще эволюционный принцип — если не в форме дарвинизма, то в какой-либо другой форме, — или отрицает эволюцию и остается на позициях Кювье. По этому важнейшему вопросу Данилевский высказывается вскользь и довольно противоречиво. Вот одно из таких высказываний, которое может служить образцом уклончивой научной софистики:

«С положительно-научной точки зрения виды и после Дарвина, как и до него, остаются для нас постоянными, неизмен-

²¹ Дарвинизм, т. I, ч. 2, стр. 131.

²² Там же, т. I, ч. 1, стр. 11.

ными в своей сущности, но только колеблющимися около некоего нормального типа; ибо таковыми оказываются они насколько хватают наши наблюдения. Но постоянство не значит еще вечность, принять которую было бы столь же противно наблюдениям, как и принятие перехода одного вида в другой. Мы положительно знаем, что виды имеют пределы своему существованию во времени, так же как и индивидуумы; что так же точно имеют они свое начало, что имеют они и свой конец — вымирают. Но за отсутствием всяких наблюдений и опытов над этим процессом происхождения, а в большинстве случаев и над этим процессом вымирания видов, оба эти процесса находятся пока вне области положительной науки.

Таков написанный с большими претензиями, а по существу путаный и крайне реакционный труд Данилевского. Пером автора водила грубая тенденция, которая далека от научной истины. Но, как сказано выше, появление этого труда было выгодно сторонникам реакции, которые и поспешили разгласить о книге Данилевского как о крушейшем завоевании науки.

Вскоре же после выхода в свет труда Данилевского газета «Новое время» — орган консервативного направления — поместила о нем большие статьи своего сотрудника Эльпе²³ под названием «Посмертный труд Н. Я. Данилевского».²⁴ Газета надеется, что этот труд «должен оказать отрезвляющее действие на увлеченного или готового увлечься дарвинизмом читателя». Излагая мысли Данилевского, автор статьи подчеркивает, что последний доказал «полную несостоятельность дарвинизма не только как учения строго научного, но и как философской доктрины». Книга Данилевского «указывает на необходимость признания идеального начала в явлениях происхождения органических форм» и т. д.

Это была первая рекомендация со стороны влиятельной газеты правительственной ориентации.

Вслед за «Новым временем», после довольно продолжительного молчания, выступил в качестве тяжелой артиллерии журнал «Русский вестник», который был много лет цитаделью реакционного направления в русской прессе. В 1887 г. в журнале появилась большая статья под крикливым названием

²³ Псевдоним Л. К. Попова, постоянного сотрудника «Нового времени», который поставлял туда научные фельетоны на всевозможные темы. Эльпе — бойкий, но весьма посредственный литератор, который менял свои мнения сообразно указаниям свыше.

²⁴ Новое время, 1885, от 16 и 30 июля (№№ 3525 и 3551).

«Полное опровержение дарвинизма».²⁵ Автором ее был известный в то время литературный критик Н. Н. Страхов, философ-идеалист, по образованию естественник, политический единомышленник Данилевского. Он взял на себя роль пропагандиста идей покойного автора.²⁶

Страхов торжественно объявил, что с кошмаром дарвинизма покончено, так как Данилевский научно доказал его полную несостоятельность. Труд Данилевского — «истинный подвиг русского ума и чувства», заявил Страхов, это не только «честь русской литературы», но даже «одно из редких явлений всемирной печати».²⁷

В сопровождении таких неумеренных похвал Страхов излагает основные мысли трактата Данилевского, предваряя читателей, что хотя этот труд написан необыкновенно «стройно и ясно», но ввиду его объема надо дать читателям руководящую нить, чтобы в нем удобней было разобраться. Он уверяет при этом, что Данилевский опроверг Дарвина не раз, а десять раз.

До чего Страхов был увлечен книгой Данилевского, какие надежды он на нее возлагал и какие деспотические меры рекомендовал принять против дарвинистов, видно из следующего удивительного места его статьи:²⁸ «С появлением этого сочинения отношение ученого мира и серьезных читателей к дарвинизму должно непременно измениться. Кто не читал книги Н. Я. Данилевского, тому теперь решительно нельзя давать права говорить о знаменитой теории!»

Однако это ликование реакционной печати было скоро нарушено, когда на защиту дарвинизма выступил профессор ботаники К. А. Тимирязев.

Мы не имеем оснований сомневаться в искренности Страхова в этих его писаниях. Это был человек честный и порядочный, которого очень ценил Лев Толстой, находившийся с ним в переписке.²⁹ Но вольно или невольно он был в данном случае рупором самой черной реакции. Вот что писал Тимирязев, вспоминая о своем выступлении против Страхова: «Министры, влиятельные петербургские круги, услужливый капитал (без которого увесистые тома Данилевского не увидели бы света),³⁰

²⁵ Русский вестник, 1887, № 1.

²⁶ Данилевский умер во время печатания книги.

²⁷ Русский вестник, 1887, № 1, стр. 62.

²⁸ Русский вестник, 1887, № 1, стр. 58—59.

²⁹ Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. СПб., 1914.

³⁰ Данилевский нигде не мог найти издателя для своей книги, так как издательские фирмы, зная отношение читающей публики к антидарвинистам, считали такое предприятие невыгодным для себя. Наконец,

литература в лице такого выдающегося критика, каким считался Страхов, господствовавшие тогда органы ежедневной печати, философы, официальная наука — все было на стороне Данилевского, когда я выступил против него».³¹

Выступить в защиту дарвинизма Тимирязев, по его собственному указанию, считал себя нравственно обязанным, так как был автором популярной книги «Чарльз Дарвин и его учение», которая к этому времени разошлась уже двумя изданиями и была лучшим изложением взглядов Дарвина, даже по признанию его врагов. Кроме того, Страхов в своей статье назвал имя Тимирязева, что было вызовом, от которого последний не считал возможным уклониться.

Несомненно, что при данных обстоятельствах такое выступление требовало не малого мужества и могло тяжело отразиться на служебном положении профессора. Так оно и случилось; вскоре он подвергся преследованиям и был в 1893 г. устранен из Петровской земледельческой академии, где преподавал свыше 20 лет.

Тимирязев открыл свою первую атаку против Данилевского и его оруженосца Страхова 22 апреля 1887 г., выступив в Политехническом музее с публичной лекцией, озаглавленной «Опровергнут ли дарвинизм?». Собралось множество слушателей, и лекция, которая продолжалась два часа, прошла с небывалым успехом.

По картинному описанию одного из наших беллетристов, на кафедру вышел высокий, худощавый, еще сравнительно молодой блондин, с прекрасными большими глазами, и произнес воодушевленную, нервную речь, в которой слышалась искренняя горячая вера. Речь эта чрезвычайно подействовала на публику и закончилась бурными овациями по адресу лектора. Лекция «кончилась стоном и ревом восторга слушателей» — в таком раздраженном тоне описывал эту лекцию Страхов в письме к Льву Толстому.

Уже через месяц лекция эта появилась в печати в одном из московских журналов,³² через год автор перепечатал ее в сборнике своих статей, позднее включил ее в виде приложения в третье издание своей книги «Чарльз Дарвин и его учение» (1894), словом сделал все, чтобы распространить ее как можно более широко.

нашелся богатый купец Комаров, который и пожертвовал деньги на издание.

³¹ К. А. Тимирязев, Сочинения, т. VII, стр. 28.

³² Русская мысль, 1887, май, июнь.

Перечитывая эту речь, невольно удивляешься ораторскому искусству Тимирязева. Не зарываясь в мелочи, оттеня лишь самое главное, остроумно высмеивая слабые места противника, легко пользуясь шутками, пословицами на всех языках, даже анекдотами, Тимирязев совершенно уничтожил в глазах аудитории и Данилевского, и его хвалителя — Страхова.

В начале лекции Тимирязев очень хорошо изобразил положение, которое создалось вслед за выходом в свет объемистого трактата Данилевского. Сперва авторитетные учены не хотели разбирать эту книгу, так как она, по их мнению, не заслуживала серьезного разбора. Поэтому научная критика два года молчала о ней. Антидарвинисты приняли это молчание за слабость и принялись шуметь и инсинуировать. Оставалась неудовлетворенной и публика: «Вот уже несколько месяцев, — рассказывает Тимирязев, — решительно на каждом шагу преследуют меня вопросом: скажите, правда ли, что дарвинизм опровергнут?».

По рассказу Тимирязева, десять лет тому назад, т. е. в середине 70-х годов, положение дарвинизма было гораздо более прочным: «Тогда требовалось только кое-что разъяснить, кое-что примирять, сообщать интересовавшие всех подробности о личности автора этого учения; теперь предстоит вступить в борьбу за существование. То, что тогда почти единогласно признавалось одним из величайших приобретений человеческой мысли, теперь во всеулышание объявляется какою-то умственной эпидемией, каким-то жалким, стадным увлечением. Таково по крайней мере впечатление, которое выносишь из некоторой части нашей периодической печати, из разговоров, обрывков мнений. Те, кто внутренне не сочувствуя дарвинизму, находились в каком-то удрученном состоянии, воспрянули, приободрились, подняли голову, прочтя в первой статье первой книжки одного из наших журналов благую весть, что в появившемся еще за год сочинении Данилевского дарвинизм опровергнут вполне, окончательно, что мы о нем более не услышим».

В этих словах очень хорошо обрисована та обстановка, которая заставила Тимирязева вступить в борьбу со Страховым и Данилевским, чего он вначале не собирался делать.

Пройдя мимо второстепенных частных, которыми Данилевский наполнил свой трактат, Тимирязев остановился на утверждении Данилевского, что естественного отбора не существует, не существовало и существовать не может, что это просто выдумка Дарвина. По мнению Тимирязева, естественный отбор это — «сущность дарвинизма», и если бы Данилев-

ский оказался прав, то он действительно «разрушил» бы все здание Дарвиновой теории.

Разбирая аргументы Данилевского, Тимирязев показывает, что они сводятся к одному положению: полезные индивидуальные изменения, на которых Дарвин строит отбор, не могут накапливаться и дать результат, потому что они обязательно исчезнут при скрещивании немногих изменений форм с массой неизменных. «Данилевский произносит магическое слово „скрещивание“, — смеется Тимирязев, — и перед этим заклинанием тревожащий его призрак естественного отбора должен сгинуть и рассыпаться».

В ответ на это Тимирязев указывает, что такое возражение было сделано Дарвину еще 20 лет тому назад, что Дарвин его предусмотрел, и дарвинизм за это время отнюдь не рассыпался, а укрепился. «Данилевский пытается, — пишет Тимирязев, — изобразить действие скрещивания в невозможных преувеличенных размерах и, наоборот, свести на ничто действие естественного отбора. . . Ни то, ни другое своей цели не достигает, а следовательно, никакой внутренней и существенной несостоятельности в дарвинизме не оказывается, и он остается тем же, чем был до появления книги Данилевского».

Обращаясь к частностям, Тимирязев останавливается на тех аргументах Данилевского против дарвинизма, которые он находит особенно ошибочными. Он доказывает, что вопреки утверждениям Данилевского Дарвин никогда не отказывался от своего учения тем, что вносил в него поправки, допуская кроме действия отбора еще и другие факторы. Неправ Данилевский, когда он указывает на существование у животных признаков не только полезных для них, но и вредных, что противоречит теории отбора, которая построена на сохранении только полезных признаков. Ошибается Данилевский, когда говорит о том, что не существует палеонтологических доказательств эволюции: он не знает достижений современной науки, например талантливых трудов Владимира Ковалевского и т. д.

Подробнее Тимирязев останавливается на утверждении Данилевского, что теория Дарвина построена на случайностях, а из случайностей может получиться не гармония, а только хаос. Это ходовое возражение против дарвинизма дожило, между прочим, до нашего времени: его можно найти, например, в сочинениях академика Л. С. Берга.³³ Тимирязев опровергает это возражение как ловкий софизм, как парадоксальную игру словами и доказывает на примерах, что явления, которые

³³ Л. С. Берг. Номогенез. Изр., 1922, стр. 26.

мы считаем случайными, на самом деле вполне закономерны. Естественный отбор — не случай, по мнению Тимирязева, а механизм, направляющий исторический процесс к определенному результату.

Выступая перед возбужденной рукоплещущей аудиторией, Тимирязев не стеснял себя в выборе выражений по адресу Данилевского и был резок, что и сам впоследствии признавал. Отдавая должное «незаурядным способностям» автора, не сомневаясь в его «искренности», он называл его «дилетантом, ослепленным предвзятой идеей», упрекал в «самоуверенности и хвастливости», а его аргументацию называл «мелкой изворотливой софистикой», «самонадеянными уловками адвоката, неразборчивого на средства», и утверждал даже, что Данилевский «не усвоил дарвинизма», который опровергает.

Закончил он свою речь такой красноречивой оптимистической тирадой: «Это убеждение в существовании мирового прогресса, эта помогающая сносить тяжелую действительность надежда на лучшее завтра, составляющая элемент утешения для всякого верования, для эволюциониста является не безотчетным только удовлетворением внутренней потребности — нет, это — идущий извне обязательный вывод разума, итог его научной опытности».

Это двойное выступление Тимирязева — с кафедры и в печати — вызвало негодующие отклики враждебной стороны. Эльпе поместил в «Новом времени» два фельетона,³⁴ озаглавленные «Профессор Тимирязев в роли защитника дарвинизма». Критик язвительно заметил, что прошло то время, когда дарвинисты чувствовали себя прочно и могли игнорировать возражения. Теперь им приходится выступать в его защиту. Но защита эта совершенно неудачна. Тимирязев не опроверг существенных положений Данилевского и отбросил их в сторону совершенно голословно. Тимирязев попросту искажает мысли Данилевского, например, по вопросу о бесполезности малых изменений в организме и т. п. «На вопрос, опровергнут ли дарвинизм, приходится отвечать утвердительно».

«Наконец-то, — радуется бойкий фельетонист, — одно из величайших заблуждений разоблачено. Избавиться от оков теории, которую лучшие умы в течение четверти столетия считали — совершенно неосновательно — строго научною, разбить каменного идола, заслонявшего путь к истине, — это ли не повод к ликованию тому, кому дорога истина какой бы ценой она не приобреталась!»

³⁴ Новое время, 1887, №№ 4086, 4100.

Вскоре откликнулся и Н. Н. Страхов. На этот раз он выступил с обширной статьей в пять печатных листов, которую поместил в том же году в «Русском вестнике».³⁵

Страхов напал прежде всего на общий тон и презрительную манеру, с которой Тимирязев подошел к критике труда Данилевского. «Наговорено много и обо всем на свете, а что именно сказано — рассказать невозможно», — пишет он по адресу Тимирязева, называя его статью «фельетоном».³⁶ Он обвиняет Тимирязева, что вместо серьезной, спокойной критики, какая подобала бы по отношению к такому искреннему и честному человеку, каким был Данилевский, да к тому же умершему, Тимирязев «трактует покойника как человека, замыслившего дурное дело».

Затем он по пунктам разбирает статью Тимирязева, доказывая, что все его возражения уже предусмотрены Данилевским. Центральный пункт возражений Страхова — все та же мысль о бесполезности малых изменений, которые все равно будут поглощены скрещиванием и, следовательно, не поведут к отбору.

«Всегдашней ошибкой дарвинистов» Страхов считает их манеру оперировать не фактами, а общими неопределенными положениями: «Они смешивают действительность и возможность, необходимость и вероятность».³⁷

Под конец Страхов, как опытный литератор и искусный полемист, апеллирует к эстетическому и моральному чувствам читателей. Подхватив мысль Тимирязева, что у Дарвина «совершенство организмов покупается лишь ценою их истребления», и его же неосторожное фигуральное выражение, что «смерть есть регулятор мировой гармонии», Страхов демонстрирует свой ужас перед таким мрачным, отталкивающим мировоззрением: «Дарвинизм вместе и отвратителен и ужасен: иногда он может возбудить такое отвращение, которое заглушает самый его ужас, а иногда такой ужас, который подавляет его отвратительность».³⁸

В заключение, чтобы еще больше подействовать на чувства читателей, он рассказывает со слезой, как он посетил летом 1887 г. одинокую могилу Данилевского в Крыму и размышлял над ней о судьбе человека.

³⁵ Русский вестник, 1887, №№ 11, 12. Название статьи: «Всегдашняя ошибка дарвинистов».

³⁶ Русский вестник, 1887, № 11, стр. 70.

³⁷ Русский вестник, 1887, № 12, стр. 98.

³⁸ Там же, стр. 126.

Тимирязев почти два года молчал, прежде чем ответить Страхову. Он объясняет это тем, что у него не было никакого желания продолжать полемiku с таким ничтожным противником — «обращать внимание на возражение, такое жалкое по своему внутреннему содержанию». Однако сторонники Страхова, которые, напротив, видели в этом его произведении «перл научно-литературной деятельности», по-своему объяснили молчание Тимирязева, а именно заявили, что он признал себя побежденным.

«Далее молчать было невозможно, — пишет по этому поводу Тимирязев, — делать нечего, приходится вторично браться за перо, чтобы охладить преждевременный восторг наших антидарвинистов, показать всю безнадежность их филиппуческих походов против одного из гигантов научной мысли XIX века».

Так появилась вторая статья Тимирязева — «Бессильная злоба антидарвиниста», вдвое более обширная, чем первая, где он по пунктам отвечает на возражения Страхова и не оставляет от них, что называется, камня на камне. «Как всякий человек, не уверовавший в свою непогрешимость, — пишет Тимирязев в этой статье, — я принялся за статью г. Страхова, ожидая найти в ней какие-нибудь доводы, которые придется взвесить, обсудить, даже убедиться в сделанных мелких промахах, поспешных суждениях, недосмотрах».

Однако ничего такого на деле не оказалось: «В переполненной ничем не оправдываемыми грубыми личными нападениями бесконечно длинной статье г. Страхова, — пишет Тимирязев, — я не нашел ни одного заслуживающего внимания прямого, не голословного возражения; вся она представляет только попытку извернуться, запутав, затемнив в глазах читателя само по себе ясное дело».

И вот на сотне страниц Тимирязев распутывает все увертки и хитросплетения Страхова, не оставаясь у него в долгу и по части резкостей. На упрёки Страхова по поводу тона его полемики Тимирязев соглашается, что ответил резко, но в данном случае надо, по его мнению, придерживаться не классического изречения «*De mortuis nil nisi bene*»,³⁹ но более справедливого мнения: «*Nous devons aux morts ce que nous devons aux vivants — la vérité*».⁴⁰

Разумеется, в кратком очерке нет никакой возможности коснуться всех многочисленных пунктов этой полемики. Остановимся лишь на том, что Страхов назвал «всегдашней ошиб-

³⁹ «О мертвых — ничего, кроме хорошего».

⁴⁰ «Мы должны говорить о мертвых то же, что и о живых, — правду».

кой дарвинистов», приписав им манеру оперировать общими гипотетическими положениями, выведенными умозрительным порядком. Тимирязев указывает, что Данилевский заимствовал это возражение у немецкого антидарвиниста ботаника Негели. Но последний менее всего имеет право обличать взгляды Дарвина в неопределенности формулировок, так как его собственная теория «о какой-то фантастической трансцендентальной идиоплазме» не отличается конкретностью и определенностью.

Заключившая свою статью, Тимирязев сравнивает Страхова с каракатицей: «Различные существа прибегают к различным средствам защиты: лев защищается когтями, бык — рогами, зайца уносят его быстрые ноги, мышь прячется в нору, а каракатица — та мутит окружающую воду и под покровом мрака ускользает от врага. Вот этой именно тактике каракатицы неизменно желал подражать в своей статье г. Страхов, с тем только различием, что та, конечно, рада, когда ей удалось просто уйти от врага, а г. Страхов из своего мрака сыплет бранью на противника, а ничего не видящему перед собой читателю самодовольно кричит: разбил! победил! уничтожил!»

Этим зоологическим сравнением и закончилась полемика Тимирязева со Страховым. Но в 1889 г. в нее вмешался новый участник, весьма авторитетный в глазах ученых ботаник-физиолог академик Фаминцын.

Г. А. Фаминцын (1835—1918), как и Тимирязев, занимался физиологией растений и в 80-х годах уже составил себе крупное научное имя своими наблюдениями над лишайниками (1867), исследованиями в области обмена веществ и превращения энергии в растениях (1883) и др. В 1883 г. Фаминцын был избран академиком Петербургской Академии наук. В своих работах Фаминцын проводил идеалистические тенденции и расхождался решительным образом с материалистом Тимирязевым.

Статья Фаминцына называется «Н. Я. Данилевский и дарвинизм» и помещена во влиятельном умеренно-либеральном журнале «Вестник Европы», который издавался в академическом духе.⁴¹ Фаминцын взял на себя роль арбитра в возгоревшемся споре. Желая быть или по крайней мере казаться беспристрастным, Фаминцын пожурил обоих противников — Тимирязева и Данилевского — за неумеренную резкость тона, а Страхову поставил на вид столь же неумеренные похвалы по адресу книги Данилевского.

⁴¹ Вестник Европы, 1889, февраль.

Перейдя к разбору этой книги, Фаминцын совершенно правильно указал на крайнюю тенденциозность Данилевского: ему, собственно говоря, мало было дела, прав или не прав Дарвин в научном отношении, его беспокоило лишь то, что учение Дарвина истолковывается материалистами в свою пользу и, таким образом, вредит религиозному направлению. «Упрек неосновательный, — пишет Фаминцын — так как подобному нареканию может быть подвергнуто всякое научное открытие или теория».

Данилевский, по мнению Фаминцына, слишком элементарно и односторонне подошел к учению Дарвина — только как к источнику материализма. Это учение имеет громадное значение для развития науки, что признают и те ученые, которые расходятся с ним в существенных пунктах. К таким Фаминцын причисляет и самого себя.⁴²

Значение Дарвина Фаминцын видит в том, что он своими трудами изменил сложившееся веками учение о неизменяемости видов. Многие положения Дарвина оказались ошибочными, но его основная заслуга остается незыблемой: «Трудами Дарвина вызвано главным образом признание громадным большинством ученых гипотезы трансформизма, или эволюции, столь плодотворной в применении к расследованию биологических вопросов». Дарвинизм есть частный случай разработки трансформизма. И если бы даже учение это оказалось несостоятельным, «славное имя Дарвина с благоговением будет произноситься естествоиспытателями в продолжение многих грядущих поколений».⁴³ Этой заслуги Дарвина Данилевский, очевидно, не понял, потому и критика его является односторонней.

После этих более или менее правильных мыслей Фаминцын вступил, однако, на очень скользкую почву, поставив целью доказать, что, в противоположность мнению Данилевского, дарвинизм вовсе не противоречит религиозному чувству и не ведет к материализму.

Что касается отдельных возражений Данилевского против учения Дарвина, то, по мнению Фаминцына, немногие принадлежат самому автору, а большинство заимствованы им из сочинений Виганда, Катрфажа и прочих и лишь более подробно обоснованы. Наибольшего внимания заслуживает шестая глава трактата Данилевского, где рассматривается искусственный отбор.

⁴² Там же, стр. 627.

⁴³ Там же, стр. 630.

Заключает свою статью Фаминцын следующими примирительными словами:⁴⁴ «При изучении обширного труда Н. Я. Данилевского во всей полноте обнаружилась симпатичная, правдивая и талантливая личность автора; несомненно, что Данилевский принадлежит к числу замечательных русских людей; не требуется особенно глубокого внимания, чтобы убедиться, что он не пожалел ни времени, ни труда на приобретение многосторонних сведений, потребных для разработки разбираемых им явлений. Книгу Данилевского я считаю полезною для зоологов и ботаников; в ней собраны все сделанные Дарвину возражения и разбросаны местами интересные фактические данные, за которые наука останется благодарною Данилевскому. . . С вышеуказанной точки зрения, т. е. со стороны детальных разъяснений, за сочинением Данилевского нельзя не признать научного значения, и будущим критикам теории Дарвина книга Данилевского, представляющая полный свод и подробное изложение всех приводимых против учения Дарвина возражений, может доставить много интересных указаний».

Тем не менее Фаминцын считает, что «основа учения Дарвина истолкована автором неверно» и «идет вразрез с воззрением всех специалистов без исключения».

Эта статья почтенного академика очень раздражила Тимирязева. Его прежде всего возмутило, что Фаминцын поставил его на одну доску со Страховым в качестве спорящей стороны. Разбор сочинения Данилевского, сделанный Фаминцыным, Тимирязев нашел крайне поверхностным, противоречивым, избобилующим умолчаниями о самом главном. Тимирязев согласен с тем, что Данилевский пишет искренне. «Немногие антидарвинисты, — замечает он, — проявили чистосердечие Данилевского, прямо заявившего, что для его нравственного спокойствия необходимо было опрокинуть дарвинизм». Но ни «правдивости», ни «талантливости», ни тем более «полезности», о чем говорит Фаминцын, в книге Данилевского отыскать невозможно.

«Странный, небывалый критический прием!», — так заканчивает Тимирязев свой разбор противоречивой статьи петербургского академика, который оказался сидящим между двумя стульями.

Напротив, Страхов очень обрадовался выступлению Фаминцына.⁴⁵ Он торжествовал, что «настоящая» академическая наука

⁴⁴ Там же, стр. 643.

⁴⁵ Статья Н. Н. Страхова носит название «А. С. Фаминцын о „Дарвинизме“ Н. Я. Данилевского» (Русский вестник, 1889, апрель).

«признала научное значение» за книгой Данилевского, которую Тимирязев только что объявил «презренной болтовней дилетанта». «Дарвинизм [Данилевского] пробил, наконец, заповедную грань!», — патетически восклицает по этому поводу Страхов.

Однако критику не понравилось, что Фаминцын в разрез с мнением Данилевского доказывал в своей статье, что дарвинизм не вредит религиозному сознанию и не изгоняет бога из природы. Страхов продолжает настаивать, что учение Дарвина разрушает религиозное чувство и воспитывает материализм. Любопытно, что он в этом своем мнении сошелся со своим противником Тимирязевым, хотя, разумеется, оценивал этот момент с прямо противоположной точки зрения.

Как и Тимирязев, Страхов остался недоволен уклончивостью академика, который так и не ответил ясно и прямо на вопрос: опровергнут ли дарвинизм Данилевским или нет?

В конце того же 1889 г. Страхов выступил⁴⁶ с ответом Тимирязеву на статью последнего «Бессильная злоба антидарвиниста». Здесь Страхов доказывает, что никакой «злости» он ни к кому не питает, что, напротив, злобен Тимирязев. Не он, Страхов, осыпал Тимирязева потоками брани, а занимался этим именно его противник, который своей публичной лекцией сразу внес этот тон в полемику и т. д. Поэтому полемика и превратилась в конце концов в перебранку, которую пора прекратить, что Страхов и делает.

Чтобы доказать, что он остался при своем мнении, Страхов заканчивает свою статью этой же фразой, с которой он начал полемику: а именно, что труд Данилевского принадлежит «к самым редким явлениям во всемирной печати».

Так окончился этот длинный научно-литературный спор, продолжавшийся свыше трех лет и нашедший себе место на страницах трех толстых журналов. В свое время он был крупным общественным событием и далеко вышел за пределы естествознания. Спор велся в тоне, не обычном в научных спорах. Резкость тона была внесена Тимирязевым, который обладал горячим, страстным темпераментом и не мог удержаться в границах спокойного академического стиля, когда речь шла о его заветных убеждениях. «К. А. стремился постоянно к тому, что он считал научной истиной и этической правдой, — рассказывает профессор Д. Н. Анучин, хорошо его знавший, — и потому возмущался, встречая мнения, расходившиеся с его

⁴⁶ Н. Н. Страхов. Спор из-за книги Н. Я. Данилевского. Русский вестник, 1889, декабрь.

убеждениями, и выступал против них с крайней резкостью, не стесняясь видным общественным положением своих антагонистов». ⁴⁷ В данном случае эта горячность имела ту хорошую сторону, что привлекла к вопросам дарвинизма оживленное внимание со стороны самых широких общественных кругов.

Победителем в этом споре, как показала история, остался Тимирязев. Имена его противников давно забыты и вспоминаются иногда только потому, что Тимирязев напечатал свои статьи против антидарвинистов в своей известной книге «Чарльз Дарвин и его учение», которая продолжала издаваться и после Великой Октябрьской социалистической революции и разошлась 17 изданиями.

Выступления Тимирязева в защиту учения Дарвина в 80-х годах были наиболее примечательным этапом его борьбы за дарвинизм, которая продолжалась затем и дальше, в XX в., и охватила, в сущности, всю жизнь Тимирязева. Он оставался верным стражем и защитником дарвинизма и тогда, когда возникли различные новые мнения в области эволюционного учения, как теория Де-Фриза, гетерогенезис академика С. И. Коржинского, менделизм и др.

Изложение этого периода выходит, однако, за рамки настоящей работы.

---

⁴⁷ Д. Н. Анучин. Люди русской науки. М., 1950, стр. 289.

3 Труды Ин-та истории естествознания и техники, т. 16.